

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНО-
ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Исломшиков Жавдат Гайратович

Студент-магистр Ташкентского Государственного Юридического
Университета (ТГЮУ)

E-mail: javdat005@gmail.com

Аннотация:

В настоящем исследовании рассматриваются современные аспекты ответственности государства как участника международно-частноправовых отношений. Особое внимание уделяется трансформации традиционных подходов к юрисдикционному иммунитету государства и расширению оснований для его привлечения к ответственности в рамках коммерческих и инвестиционных споров. Отдельный акцент сделан на проблеме разграничения частноправового и публично-правового характера действий государства, а также третьей части Проекта статей о международной ответственности государств. Результаты исследования направлены на выявление эффективных механизмов правовой защиты интересов частных лиц при взаимодействии с иностранными государствами.

Ключевые слова: международно-частноправовые отношения, ответственность государства, юрисдикционный иммунитет, международный арбитраж, частноправовой характер.

Современная международно-правовая практика демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению участия государств в частноправовых отношениях, прежде всего в сферах инвестиций, торговли, оказания услуг и концессий. При этом на первый план выходит вопрос ответственности государств за нарушения обязательств в подобных отношениях, особенно в контексте отказа от абсолютного суверенного иммунитета. Целью данного исследования является анализ современных подходов к ответственности государства в международно-частноправовых отношениях, выявление существующих

правовых проблем привлечения к ответственности, а также анализ соответствующей международной практики. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между суверенитетом государства и эффективной защитой интересов участников частноправовых отношений на международной арене.

Хотя нормы, предусматривающие меры ответственности государства, закреплены как в национальном, так и в международном праве, на практике эффективные механизмы реализации таких норм часто отсутствуют. Так, например, статья 53 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на компенсацию вреда, причинённого незаконными действиями государственных органов и должностных лиц [1]. Однако применение этой нормы на практике сопровождается длительными бюрократическими процедурами, правовой неопределённостью и противоречивостью судебных решений.

Ситуация ещё более усложняется на международном уровне. Государства, вступая в международно-частноправовые отношения, — в частности, в инвестиционные и торговые сделки — тем самым принимают на себя определённые обязательства как перед иностранными частными лицами, так и перед другими государствами. Однако при нарушении таких обязательств государственная сторона часто прикрывается иммунитетом от юрисдикции и фактически уклоняется от ответственности.

Особенно остро проблема проявляется в быстроразвивающихся отраслях, таких как киберправо, экологическая безопасность и трансграничные цифровые услуги. Современное международное право в этих сферах страдает от отсутствия действенных механизмов принуждения [2]. Так, в «Tallinn Manual 2.0» — одном из ключевых источников по международному киберправу — подчёркивается, что при наличии правовых норм, определяющих ответственность государств за действия в киберпространстве, практически отсутствуют способы их принудительного исполнения [3]. Подобная ситуация наблюдается и в случаях вмешательства в выборы, трансграничного загрязнения окружающей среды и других нарушений, совершённых государствами.

Изменения в структуре и динамике международных отношений оказывают существенное влияние на формирование новых подходов к ответственности государств в различных правовых сферах. Стремительное развитие технологий, особенно в области цифровых коммуникаций и информационного обмена, требует переосмысления существующих правовых норм, регулирующих поведение государств. Сегодня государства несут ответственность не только за традиционные действия, но и за деятельность в киберпространстве, что усложняет применение классических теорий международно-правовой ответственности.

Анализируя третью часть Проекта статей о ответственности государств за международно-противоправные деяния (ARSIWA), посвящённую осуществлению международной ответственности, можно отметить, что её положения крайне редко применяются в практике международных судов и арбитражей [4]. Это обусловлено рядом факторов, включая саму правовую природу этих норм. Комиссия международного права (КМП) прямо указывает, что ряд статей, в частности статья 48, отражают не столько устоявшуюся практику, сколько перспективное развитие международного права, в том числе идею коллективной защиты международных интересов.

Отсутствие применения положений третьей части ARSIWA в судебной практике становится понятным, если учесть, что многие из них не содержат непосредственно обязывающих материальных норм, а оформлены в виде оговорок (так называемые *non-prejudice clauses*), оставляющих вопрос открытым для будущего развития. В комментариях КМП подчёркивается, что такая редакция обусловлена неопределённостью международной практики в вопросах применения контрмер в защиту коллективных интересов и ограниченным числом государств, участвующих в подобных инициативах [5]. Тем не менее, с момента принятия ARSIWA в 2001 году наблюдается устойчивый рост случаев, когда государства и международные организации, не являющиеся непосредственными жертвами нарушения, предпринимают контрмеры в защиту норм, имеющих значение для всего международного сообщества. Это особенно важно в контексте нарушений обязательств *erga*

omnes, включая действия, подрывающие основные права человека, экологические нормы и принципы недопущения агрессии.

В международно-частноправовой плоскости вопрос ответственности государства приобретает особую актуальность, особенно когда речь идёт о нарушении международных обязательств в отношении иностранных физических и юридических лиц. К числу типичных нарушений относятся незаконная экспроприация имущества без должной компенсации, отказ в правосудии (*denial of justice*), дискриминационное регулирование. Такие деяния квалифицируются как международные деликты и влекут за собой международно-правовую ответственность государства, в том числе перед третьими государствами, действующими в защиту своих граждан.

Как правило, защита прав инвесторов осуществляется в рамках дипломатической защиты либо посредством инвестиционного арбитража, например, по процедурам ICSID или на основе двусторонних инвестиционных соглашений (BITs) [6]. Однако даже в этих ситуациях остаётся открытым вопрос: допустимо ли применение контрмер третьими государствами исключительно ради защиты частных интересов?

Этот вопрос вновь возвращает нас к анализу статьи 48 ARSIWA, где затрагивается возможность действий третьих государств в случае нарушений обязательств *erga omnes*. Хотя международные суды пока не признали за ними право на применение контрмер исключительно в интересах частных лиц, наблюдается устойчивая тенденция к расширению участия государств в международно-частноправовых спорах. Это свидетельствует о постепенном развитии концепции коллективной ответственности и трансформации классического подхода к международной ответственности государства.

Использованная Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. по состоянию на 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Eagleton C. *The Responsibility of States in International Law*. New York. New York University Press, 1928. P. 186–187.

International Conference on Economics, Finance, Banking and Management

Hosted online from Paris, France

Website: econfseries.com

24th July, 2025

-
3. Schmitt, M. N. (Ed.). (2017). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge University Press.
 4. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries (2001) // Yearbook of the International Law Commission, 2001, vol. II, Part Two. — Articles 42–54 (Part Three).
 5. Commentary to Article 48 // Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries (2001) // Yearbook of the International Law Commission, 2001, vol. II, Part Two.
 6. Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. — 2nd ed. — Oxford University Press, 2012. — P. 226–240